

**Аграрная модернизация советского образца:
Полемические заметки**

Простудировав материалы «круглого стола» (Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство», Москва, 22 мая 2012 г. – *Прим. ред.*) с удовлетворением замечая, что замысел руководителей научного проекта («Народ и власть: История России и ее фальсификации» – *Прим. ред.*) реализовался. В работу были вовлечены авторитетные специалисты. В собранных Сергеем Юрьевичем Разиным и Павлом Петровичем Марченя текстах коллеги используют результаты своих многолетних исследований, в результате чего проблема «Сталинизм и крестьянство» раскрывается широко и многогранно, на основании большого фактического материала, ценных наблюдений и глубоких размышлений, новых методологических подходов¹.

Методологические аспекты темы я и хочу прежде всего затронуть.

С недавних пор советскую политику преобразования страны принято называть «модернизацией». Тем самым вместо непопулярного ныне формационного подчеркивается общецивилизационный смысл социалистических преобразований. Насколько методологически в соответствии с утвердившейся в науке цивилизационной парадигмой «модерности» корректно применение термина? Безусловно, политика большевиков была направлена на модернизацию российского общества, и по ряду фундаментальных позиций последняя радикально осуществлялась – урбанизация, индустриализация, секуляризация. Методологические коллизии начинаются, если иметь в виду более широкий, концептуально-мировоззренческий смысл модернизации. А это переход от традиционного общества к «современному»,

к «модерности», что подразумевает формирование гражданского общества, разделение властей, политический плюрализм и конкурентную избирательную систему, развитие рыночных отношений и утверждение института частной собственности.

В этом отношении материалы «круглого стола» рисуют прямо противоположную картину. Начнем с гражданского общества. Революция пробудила к общественно-политической жизни миллионы и миллионы людей. Революционная «стихия», которую принято клеймить со всех сторон, породила разнообразные формы социального творчества, выразившегося в создании многочисленных самодельных объединений и самостоятельных общественных организаций. Всем этим элементам формировавшегося гражданского общества уготован был трагический финал, и занавес для многих опустился в год коллективизации, неслучайно названный годом Великого Перелома. Другим, вроде советов и профсоюзов, было суждено обюрократиться и превратиться в «приводной ремень» большевистской диктатуры.

Не буду, как призывают организаторы «круглого стола», касаться «нарушения социалистической законности». Хочу обратить внимание на то, что сама эта законность была шагом назад в стране, где уже утвердилось независимое судопроизводство, суд присяжных, состязательность сторон. Революция 1905 г. вызвала к жизни Государственную Думу, в стране начал формироваться парламентаризм; и это было, заметим – завоеванием массового революционного движения (а не некими «происками западного либерализма»). Широкий отклик в стране после Февральской революции нашли выборы в Учредительное собрание.

С парламентаризмом и свободными выборами большевики тоже покончили. Можно какими угодно благими целями оправдывать эти действия Советской власти, но, очевидно, к торжеству модерности их отнести нельзя. Хочу подчеркнуть в дополнение, что это был не только контрмодернизационный, но и контрреволюционный

– по отношению к первым этапам Великой русской революции – проект.

Модернизация, как переход от традиционного общества к модерности, включает разрыв с натуральным хозяйством и развитие товарно-денежных отношений, а соответственно обеспечение этих отношений утверждением права собственности. И здесь все обстояло ровно наоборот. Заслуживает внимание и то обстоятельство, что предметом особой ненависти власти («демонизации» по М. М. Кудюкиной) сделался субъект рыночных отношений, так называемое кулачество, которое к Октябрю 1917 г. уже представляло многочисленный слой товаропроизводителей в деревне².

Можно, наверно, оставить по отношению к политике Советской власти в интересующий нас сталинский период прижившийся термин «модернизация», но с необходимой квалификацией. При этом мне представляется совершенно недостаточным указание лишь на формы, в которые она вылилась – «форсированная» (С. Ю. Разин, Е. И. Демидова) или даже «насильственная» (О. Г. Буховец). Требуется определить ее суть – цели и результаты. Я бы предпочел говорить о модернизации «односторонней», «частичной» и даже «уродливой». Это слово приходит на ум, если анализируешь «социокультурную модернизацию» (спасибо Демидовой за то, что подняла вопрос).

Верно подчеркнута выдающееся значение «культурной революции» в искоренении неграмотности, в распространении современных средств информации, особенно радиофикации и кинофикации деревни. Вместе с тем содержанием культуртрегерского процесса, не следует забывать, было внедрение в крестьянское сознание специфических идеологем в духе неизбывной классовой ненависти.

Особо следует сказать о воинствующем атеизме. Напрасно Н. В. Асонов упрекает культуру Запада в «обезбоженности». Ни в одной из модернизовавшихся

стран Запада секуляризация в конце концов не дошла до искоренения религиозности. Это «инновация» большевизма. И объясняется она тем, что русские коммунисты решили заменить государственную религию государственной идеологией с той же функцией монопольного контроля над духовной сферой.

Прав Асонов, указывая на подрыв преемственности поколений в российском обществе. Но и здесь его упреки не по адресу, достаточно вспомнить, например, сталинскую политику в отношении такого устоя крестьянской жизни, как семья. Когда говорят – и совершенно правильно – об использовании Советской властью внутрикрестьянских противоречий, следует добавлять, что этот курс затрагивал и внутрисемейную сферу. «Комплекс Павлика Морозова» и навязывание детям отказа от своих отцов – это и есть политика, порождавшая «не помнящих родства».

Была ли альтернатива советской модернизации сталинского образца? Не будем входить в область гадательных предположений. Ограничимся сравнением двух вождей: исторического Ленина и того, кого в 30-х назовут «Ленин сегодня». И. А. Анфертьев подмечает, какое влияние на сталинскую стратегию в отношении крестьянства оказывала борьба генсека за личную власть. Ленинский авторитет в правящей партии был бесспорным, чего нельзя сказать о его преемнике, пока к концу 1930-х гг. культ личности не утвердился окончательно. Точно заметил исследователь «феномена Сталина»: генезис советской системы – это «путь Сталина к власти, борьба за нее»³.

Очень серьезные сомнения у меня вызывает объяснение «издержек» модернизации по-советски исключительно объективными обстоятельствами. Бесспорно влияние внешнего фактора. Но что тут было реальностью, а что мифологемами? В сознании советских людей чем дальше, тем больше – кто станет возражать – внедрялся страх перед враждебным окружением (мифологема «осажденной крепости»). К тому же в «подкорке» современного человека, и исследователь не исключение,

прочно угнездился фатализм дат. Мы хорошо знаем, что период между двумя мировыми войнами длился всего два десятилетия, и от этого «финализма» умозаключаем о некоей предначертанности трагического конца периода.

Между тем эволюция международных отношений в межвоенный период отнюдь не была улицей с односторонним движением. С середины 1920-х гг. укреплялось международное положение Страны Советов, нормализовались дипломатические отношения, интенсивными были, как под совершенно неожиданным ракурсом напомнил В. В. Кондрашин, экономические связи. Страны-победительницы Великобритания, Франция, США полагали, что Версальская система «всерьез и надолго». В этих странах очень сильны были пацифистские настроения. Они не исчерпались даже перед натиском фашистской Германии. И тоже «медицинский факт»: Гитлер пришел к власти лишь в 1933 г., коллективизация со всеми ее «перегибами» к тому времени уже состоялась.

Еще сложнее обстоит дело с объяснением «крутизны» И. В. Сталина фактором Гражданской войны. Помню после разоблачения культа личности одна райкомовская дама в Ленинграде говорила по поводу репрессий: Ну что вы хотите? Сталин стал жертвой культа личности. И, между прочим, в ее словах была частица истины. Однако, кроме объективных обстоятельств и роли среды, важна роль собственно субъекта, его личностная природа.

Можно назвать сталинизм «продуктом» гражданской войны, поскольку все мировоззренческое формирование Сталина-революционера было «заточено» на гражданскую войну. Полувоенная форма сталинских соратников, знаменитая, по преданию «боевая», шинель самого вождя (по контрасту с «цивильным» костюмом Ильича) подчеркивали их происхождение из Гражданской войны. Но никак не соглашусь с ее пролонгированием, с формулировкой «латентных форм» гражданской войны (С. Ю. Разин). Последняя и есть *открытая* форма

проявления классовых (или религиозных, например) антагонизмов. Можно говорить о НЭПе как о времени классовой борьбы, но называть его периодом гражданской войны было бы некорректно.

«Объявлением» гражданской войны стал именно курс на коллективизацию. И роль репрессивных органов, и крестьянское сопротивление, о котором с цифрами в руках повествует В. В. Кондрашин, тому очевидное свидетельство. «Сталин – это идеолог перманентной гражданской войны», – утверждает А. М. Никулин, ссылаясь на тезис обострения классовой борьбы в период строительства социализма. Но к самой идее вождь пришел десятилетием раньше, когда в «относительно вегетарианский» период НЭПа вразрез с идеологическими установками этого курса стал доказывать, что весь обозримый период строительства нового общества будет временем «насильственной революции»⁴.

Конечно, Сталин был искушенным прагматиком, и его стратегический курс менялся радикально; но фирменным «почерком» оставался собственно радикализм. На крутых поворотах советской истории, когда в полный рост вставала проблема выбора вариантов, различима та самая «грубость», малокультурность, которую Ленин считал основным и недопустимым для политического лидера пороком.

Между тем в стиле самого Ленина В. В. Зверев отмечает поиск «социальных амортизаторов». Введение НЭПа, вопреки настроениям партийного большинства и коммунистической догматике, говорит само за себя. Можно в таком плане размышлять и о перспективах сельской кооперации как *добровольного* объединения «мелких и средних производителей» (В. В. Зверев). Признаю, что Ленин полагался на метод убеждения крестьянства: красноречива его фраза о «50 тысячах тракторов», которые могли бы стать решающим аргументом в переходе крестьян к новому укладу жизни.

И все же для меня очевидно, что курс «раскрестьянивания», который беспощадным (антиленинским,

по В. В. Кондрашину) способом осуществился в сталинской коллективизации, соответствовал исходным марксистско-ленинским принципам отношения к крестьянству. При оговорках Ленина, что все свойства крестьянина, его «две души» («собственника» и «труженика») в «живой жизни... слиты в одно целое»⁵, должен был по коммунистической идее восторгаться строй «работников на земле». Подобная пролетаризация была бы «самоубийством» для крестьян, как откровенно писали большевики-аграрники в 20-х гг., и я очень сомневаюсь, чтобы российское крестьянство в своей массе «мелких и средних производителей» добровольно пошло на этот шаг.

Хочу обратить внимание коллег на то, что коллективизация была катастрофическим разрывом с той кооперацией, что осуществлялась в предреволюционной деревне. Отражая развитие национального рынка и утверждение товарно-денежных отношений в аграрной сфере, в России невиданными в мире темпами росла кредитная, снабженческо-сбытовая и производственная кооперация. Но это было взаимодействие хозяйствующих субъектов в образе индивидуальных крестьянских хозяйств. Коллективизация вместо того, чтобы стать в соответствии с одним из лозунгов «строим цивилизованных кооператоров», уничтожила, за некоторыми исключениями (о которых упоминал А. П. Скорик), существовавшие формы кооперации заодно с самими кооператорами и ее идеологами (пример – судьба А. В. Чайнова и всей организационно-производственной школы).

Я хорошо понимаю позицию В. В. Кондрашина, последовательного ученика и продолжателя дела В. П. Данилова, который был принципиальным критиком коллективизации как формы социалистического преобразования деревни. И все же не могу не поспорить с Виктором Викторовичем, как в свое время доводилось спорить с Виктором Петровичем. Не обошлось, впрочем, в критике Кондрашина без недоразумения. Разумеется, колхоз был и экономической ячейкой, и я с благодарностью

принимаю поправку А. И. Колганова относительно логики перехода от политики «принудительного изъятия хлеба» к механизму «принудительного его производства», реализовавшемуся в создании колхозов. Функция управления сельской Россией, которую я ставлю на первый план, подразумевала управление трудовыми и земельными ресурсами страны.

В. В. Зверев тонко подмечает, анализируя послевоенные постановления ЦК по сельскому хозяйству, что с «административной точки зрения» все «четко расписано». А «экономических моментов, связанных с подъемом производительности труда и стимулированием материальной заинтересованности крестьянства» не было. И это понятно: колхоз, оставаясь экономическим институтом, одновременно был органом внеэкономического принуждения («приневоливание», как говорили крестьяне, «экономика принуждения», по А. С. Есикову, «Агроулаг», по В. А. Ильиных, или «Второе крепостное право», о чем говорили Н. Л. Роголина и А. В. Чертищев).

У меня вызывает сомнение тезис, что колхозы «сами по себе» были эффективной формой организации производства и «их нужно было только освободить от чрезмерной дани». Выкачивая задешево продукцию, советское государство с 30-х гг. немало и вкладывало в сельское хозяйство. У меня нет под руками статистических расчетов этого баланса, но уверен, что поддержание колхозного производства изначально дорого обходилось Советской власти.

При «развитом социализме» материальное положение сельского населения стало, прав Кондрашин, улучшаться. Но за счет ли лучшей организации собственно производства? Пошли большие деньги, инвестиции в химизацию, мелиорацию, механизацию. Крестьяне стали получать пенсии, их стали селить в блочные дома со всеми удобствами и без всякого приусадебного хозяйства. Агророда! Утвердился строй «работников на земле», уничтожалась противоположность между городом и

деревней, аграрный труд становился разновидностью труда индустриального...

Хорошо известны экологические, экономические и социальные последствия торжества коммунистической доктрины. Крестьянин, «освобожденный» от хозяйствования, оказался неважным работником. Рост иждивенчества и морально-психологическая деградация, выразившаяся в эпидемическом пьянстве, стали не последними в ряду разительного расхождения теории с жизнью.

Охотно соглашусь с Кондрашиным, что следует различать периоды колхозной истории. Серьезным фактором, бесспорно, являлось различие природных условий, значимой оказывалась роль руководителей, их положение в номенклатуре и административные связи. Стоит, нет сомнения, изучать историю «маяков», колхозов-миллионеров, весьма драматическую между прочим и порой с трагическим финалом для руководителей.

А у меня перед глазами сельское убожество середины 50-х гг. в Ленинградской области. Приехавший с инспекцией Н. С. Хрушев выговаривал местным руководителям: у финнов Карельский перешеек был житницей страны, а у вас... Упрек, понятно, был риторическим. «Каптенармус» нашей студенческой бригады удивлялся: Что это за магическое слово – «колхоз»? Нет лопат – так это «колхоз». Нет продовольствия – так это ведь «колхоз». В представлениях кадров, может быть это касается только Нечерноземья, колхозы были дискредитированы, и очень многие после войны ожидали их распуска.

Потом для меня была целина – совхоз Сталинградский Ленинградского района Кокчетавской области. На «линейке готовности» бригады около полусотни комбайнов, свезенных за тысячи верст. Работают пять-шесть машин, которые регулярно чинятся: комбайнеры добывают нужные детали, раскурочивая бездействующие. А еще в глазах картинки «развитого социализма»: вереница автобусов с сотрудниками учреждений Черемушкинского

района, отправляющимися за 100 км в подшефные Озеры поковыряться пару часов, добывая палками и каблуками картошку, вывернутую кое как незадачливым «механизатором» (оплата «от колеса»). Ученые Института экономики (пребывавшие среди «шефов») делились своими выводами, что «у нас экономика действует вопреки всем экономическим законам». Чем закончилось пренебрежение экономическими законами, хорошо известно.

Библиография

¹ *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. М., 2013. С. 386–440 (http://www.docme.ru/doc/244893/krest_yanovedenie-8.pdf).

² См.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.

³ *Фурсов А. И.* Феномен Сталина как один из ключей к пониманию советской системы // И. В. Сталин: Миф, осмысление, преодоление. М., 2003. С. 52.

⁴ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11 изд. М., 1945. С. 113.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 39. С. 277; Т. 40. С. 307.